

Виновником того, что штаны Шуй Цюэ намокли, а сам он едва не подпрыгнул от испуга, оказалась скопа. Птица вернулась домой после долгой прогулки над побережьем. Она прилетела прямо из бушующих волн, и её крылья были насквозь мокрыми от солёной воды.

Скопа громко закричала и захлопала крыльями, не только обдав хозяина брызгами, но и едва не оглушив Шуй Цюэ. Смотритель маяка согнал её со своего плеча на пол. Птица пару раз подпрыгнула и, склонив голову, принялась разглядывать незнакомого гостя. Впервые она не проявила к чужаку враждебности — скорее, она прикидывала, выдержит ли это хрупкое плечо её вес и грубые когти.

Глаза немецкой овчарки в темноте светились зелёным. Мэйцю, точно волк, не сводил взгляда с хищной птицы, а из его горла вырывалось низкое угрожающее рычание.

Шуй Цюэ, обливаясь холодным потом, покрепче натянул поводок.

— Мэйцю, ш-ш-ш... потише.

Он тихо предостерег пса, несколько раз погладив его по лохматой голове, чтобы успокоить.

Смотритель маяка пристально разглядывал его сверху вниз. Сравнивая свои грубые окрики и бесцеремонное обращение с питомцем, он находил отношение парня к животному излишне мягким и нерешительным. Он читал в ежемесячных газетах, что городские жители очень привередливы и относятся к животным как к членам семьи или друзьям. Совсем как этот человек.

— Господин смотритель... — Шуй Цюэ от волнения невольно поджал губы. У него совсем не было опыта в просьбах о помощи; он даже не понимал, что не стоит сразу выкладывать свою корыстную цель, едва переступив порог. — Я хотел попросить вас об одном одолжении... Можно? Я принёс рыбу и вино.

Он приподнял мешковину, которой была прикрыта корзина. Словно демонстрируя сокровище, он выставил её вперёд: внутри лежал горбыль, чешуя которого поблёскивала от воды, а жабры тяжело и редко шевелились. Рядом стоял кувшин с вином.

Таких рыб его скопа могла притащить по меньшей мере две за раз.

Смотритель маяка бросил на корзину мимолётный взгляд. Его взор задержался на губах юноши, которые после того, как тот их поджал, казались ещё более яркими и влажными. В самом центре тонкой верхней губы прятался крошечный, едва заметный бугорок.

Мужчина никогда не видел таких губ. Вернее сказать, он вообще никогда не обращал

внимания на чьи-либо губы. Всего лишь орган речи: открывается — и ладно. Какая в нём может быть красота?

Он отвёл нескромный взгляд и, вопреки своему обыкновению гнать людей прочь, отступил на два шага, освобождая проход.

— Входи.

Долгая жизнь в одиночестве заставила его отбросить все общественные правила и приличия. Он не сказал «прошу», приглашая гостя, и совершенно не заботился о том, что визит молодого вдовца ночью в дом к одинокому человеку может вызвать кривотолки.

— Спасибо.

Шуй Цюэ потянул за собой собаку, чуть удлинил свою трость и, осторожно простукивая пол, поднялся по ступенькам. Мощная лампа на первом этаже заливала всё ярким светом, позволяя ему видеть смутные тени мебели.

Маяк сужался кверху: весь первый уровень занимали массивные механизмы и шкафы для хранения. Шуй Цюэ слышал рокот и вибрацию дизельного двигателя. О назначении остальных громоздких агрегатов он мог только догадываться.

Он следовал за шагами хозяина дома, но случайно задел ногой красный пластиковый пакет, стоявший в углу. Из него выкатилась картофелина и с тихим стуком ударилась о пятку ботинка зрителя.

— Простите... — Шуй Цюэ почувствовал, что что-то пнул.

Это была проросшая картофелина — она лежала здесь слишком долго. Маяк был не лучшим местом для хранения таких продуктов. Мужчина молча поднял её и швырнул в мусорное ведро.

Внутри маяка была только винтовая лестница без перил — смертельно опасная конструкция для слепого. Зритель внезапно замер перед ступенями, и Шуй Цюэ, не заметив этого, врезался прямо в его спину, твёрдую, точно ковкая медь.

Прижав руку к ушибленному лбу, он спросил:

— Почему вы остановились?

Тот промолчал. Мужчина взял из рук Шуй Цюэ корзину. Юноша решил, что подарок принят и помощь обещана, и в душе его вспыхнула радость. Но в следующую секунду зритель другой рукой подхватил его, закинул на плечо и зашагал вверх.

Шуй Цюэ даже не успел ничего сообразить — в мгновение ока его ноги оторвались от земли. Глаза его расширились от испуга, и он дрожащим голосом выдохнул:

— Что... что вы делаете?

В суматохе он выронил и трость, и поводок. Мужчине пришлось присесть, поднять вещи и только после этого продолжить подъём. С каждым шагом по винтовой лестнице тело Шуй Цюэ покачивалось; плечо зрителя было жёстким и больно упиралось в живот. Впрочем, парень быстро понял, что ему просто помогают подняться.

В такой позе говорить было неудобно, и голос Шуй Цюэ звучал глухо и сдавленно:

— Вы могли просто поддержать меня под руку...

— Слишком медленно, — бесстрастно отрезал зритель.

От такой поездки животу было совсем худо. Сделай так кто-то другой — например, Се Цянь — Шуй Цюэ непременно бы разозлился. Но сейчас он пришёл просить об одолжении, а потому ему оставалось только смиренно терпеть.

Наконец мужчина опустил его на стул на втором этаже. Здесь располагалась жилая зона, довольно просторная, чтобы вместить необходимую мебель: газовую плитку, массивный деревянный стол, стулья, шкафы и кровать. Возле кровати было открыто окно, в которое со свистом врывался ветер, а на прикроватной тумбочке стояла старая пишущая машинка марки «Ремингтон».

Зритель маяка был по-своему чистоплотен: комната в стиле минимализма выглядела куда опрятнее, чем жилища большинства одиноких мужчин. Поднявшийся следом Мэйцю преданно приник к ногам хозяина.

Напольные часы в углу неспешно пробили восемь раз. Скопа, хлопая крыльями, перелетела на футляр часов и издала резкий крик.

Мужчина небрежно поставил корзину на стол и бросил:

— Жди здесь.

Он продолжил подъём. Ночью каждые час-полтора нужно было заводить механизм вращения линз, чтобы свет маяка бил на все 360 градусов — и это была лишь одна из множества его обязанностей. Попутно следовало проверить, исправно ли работают галогенные лампы на самом верху.

Спускаясь обратно, смотритель маяка ещё с лестничного поворота мог видеть всю жилую комнату. Эта глупая птица сидела прямо на столе, а нежный Шуй Цюэ всего лишь поднял руку, как скопа сама потянулась к нему и доверчиво ткнулась головой в ладонь.

Смотритель вдруг спросил без всякого вступления:

— Ты что, принцесса?

— А? — Шуй Цюэ вскинул голову на звук голоса. — Вы это мне?

— А здесь есть кто-то ещё, кто умеет говорить? — Он спустился по ступеням и сел на стул напротив.

Только принцессы из детских сказок, которыми пугают малышей, бывают такими: белокожими и способными очаровать любое животное.

Шуй Цюэ совершенно не понял, к чему был этот вопрос, и робко пояснил:

— Я... я парень...

Смотритель коснулся чайника — тот был ещё тёплым. Он налил две чашки чая и одну пододвинул Шуй Цюэ. Его взгляд скользнул по столу и замер; брови сошлись на переносице.

— Где рыба?

Корзина была пуста, в ней остался только кувшин с вином.

— Скопа... она только что её съела, — Шуй Цюэ захлопал ресницами, точно крыльями бабочки. Пытаясь скрыть неловкость, он принялся усиленно гладить птицу по голове.

На самом деле он сам скормил рыбу скопе.

«Раз она съела моё подношение, значит, хозяин уже не сможет отказать в помощи, верно? — Шуй Цюэ мысленно поджал губы. — Наверное, это было немного подло...»

Птица непонимающе склонила голову набок.

Смотритель маяка одним глотком осушил свою чашку и поставил её на стол. Шуй Цюэ потянулся к кувшину, собираясь налить ему вина.

— Не нужно, — прохрипел мужчина; чай ничуть не смягчил его голос. — На службе я всегда должен быть трезвым.

Приняв это как должное, смотритель спросил:

— Так чего ты от меня хочешь?

Шуй Цюэ обхватил чашку обеими руками; кончик его указательного пальца нервно постукивал по фарфору. Он без утайки рассказал о проблемах Юань Юя и попросил замолвить за него словечко перед старым директором.

Серые, точно у хищной птицы, глаза смотрителя неподвижно замерли на лице Шуй Цюэ. Он слушал, не проронив ни слова, пока парень не закончил. Директор школы приходился ему двоюродным дедом. Вот почему за помощью пришли именно к нему.

— Простите за беспокойство, — добавил Шуй Цюэ.

Дрожащие ресницы выдавали его крайнее смущение и тревогу. Смотритель маяка выслушал его и медленно произнёс:

— Маловато будет.

Впрочем, окончательного «нет» он не сказал. Шуй Цюэ поднял на него взгляд.

— Вам нужно что-то ещё?

Лампа на втором этаже недавно перегорела, и смотритель заменил её запасной — та была слабее, но её света вполне хватало, чтобы видеть, как при каждом слове приоткрываются губы гостя. В глубине их влажно поблёскивал кончик алого языка.

Смотритель спросил:

— Это вино любил Юань Чжоу?

— Э-э... да, наверное.

Раз он нашёл его в комнате погибшего, значит, оно должно было ему нравиться. Шуй Цюэ ответил слишком кратко. Глаза смотрителя не смогли уловить движение этого влажного рубинового пятнышка — трудно было сказать, разочарован он или нет. Его серые глаза полуприкрылись, и он продолжил:

— И каково оно на вкус?

Шуй Цюэ отпил глоток чая и честно признался:

— Я никогда его не пробовал.

Взгляд зрителя снова впился в него. С его резкими чертами лица он казался человеком суровым и прямолинейным.

— А когда он выпивал, разве он не впивался тебе в язык?

О поцелуях он говорил пугающе грубо и прямо. Шуй Цюэ оцепенел, а затем лихорадочно забормотал:

— Н-нет... не впивался.

— Вот как, — кивнул зритель. Шуй Цюэ решил, что расспросы окончены, но тот снова подал голос: — Значит, он не впивался в твой язык, когда выпивал? Или он вообще тебя не целовал?

От стыда у Шуй Цюэ не только щёки, но и тонкие веки окрасились нежным румянцем. Зритель маяка молча наблюдал за ним.

«Как на такое отвечать? Согласно легенде этого мира, мы с Юань Чжоу были любовниками, а значит... мы ведь должны были целоваться?»

Шуй Цюэ запинаясь, словно каждое слово стоило ему огромных усилий:

— Мы... мы не целовались после того, как он выпьет.

— И когда же он тебя целовал? — не отступал зритель.

Шуй Цюэ промолчал. Выражение лица мужчины не изменилось, но вопросы становились всё более бесцеремонными:

— Сколько раз в день вы целовались?

— Когда вы целуетесь...

— Слизывает ли он слюну с самого корня твоего языка?

Шуй Цюэ больше не мог этого выносить. От невыразимого смущения он почти сорвался на крик:

— Прекратите об этом спрашивать!

Разозлился. Смотритель замолчал.

«...»

[Не смей спрашивать! Не смей! Не видишь, наш Малыш-птичка в ярости!]

[Только и делает, что вопросы задает... Если такой смелый — бери и целуй!]

[Такое чувство, будто Малыша сосватали какому-то суровому работяге-простаку, а тот оказался извращенцем, мечтающим вылизать его ротик.]

Провожая его до двери, мужчина на прощание бросил:

— Я сделаю то, о чём ты просил.

— Мне было приятно пообщаться.

— Приходи ещё.

Шуй Цюэ: «...»

Он действительно был на грани того, чтобы всерьёз обидеться.

Домой он вернулся уже в половине одиннадцатого. Юань Юя ещё не было. Шуй Цюэ запер окна и двери и сразу лёг спать.

Рано утром в понедельник Юань Юй собрался в школу. Он зашёл к нему в комнату и предупредил, что каша греется в кастрюле — пусть ест поскорее, пока не остыла.

— Одного горбыля в чане не хватает, — заметил он. — Ночью во двор кто-то заходил?

Спросонья Шуй Цюэ сморозил несусветную чушь:

— Наверное... она сама уплыла...

Юань Юй посмотрел на него долгим взглядом, но допытываться не стал.

Стоило Юань Юю уйти, как небо затянуло тучами и хлынул ливень. Шуй Цюэ пришлось пробираться в кухню под зонтом, чтобы налить себе каши. К полудню дождь и не думал стихать.

Юань Юй не возвращался. Шуй Цюэ перекусил остатками утренней каши. Ливень казался бесконечным. Он слышал от брата, что в школе есть столовая, но обычно тот всегда возвращался на обед. Вдруг он забыл зонт?

Шуй Цюэ терзался беспокойством весь день, и к середине дня решил сам отнести зонт Юань Юю. В конце концов, родители ведь приносят зонты детям в школу?

«Наверное, я тоже могу считаться в какой-то мере опекуном Юань Юя, — подумал Шуй Цюэ, — пусть и только в рамках этого подземелья».

Он накинул прозрачный дождевик, обулся в жёлтые резиновые сапоги, в правую руку взял раскрытый зонт, а в рюкзак положил запасной. Насыпав корма Мэйцю, он запер дом и, постукивая тростью, вышел за порог.

Добравшись до посёлка, он старался идти под навесами магазинов, прячась от ветра и дождя. Вдруг на углу улицы кто-то его окликнул.

Это был голос Ли Цзяньшаня:

— Шуй Цюэ! Какая встреча, ты тоже на улице в такую погоду?

Было темно, и только подойдя ближе, Шуй Цюэ разглядел несколько силуэтов. Он кивнул:

— Да. А вы что здесь делаете?

— Ох, и не спрашивай! — Ли Цзяньшань в таком же дождевике махнул рукой. — Мы за эти два дня набрали кучу побочных квестов, и всё какая-то ерунда: то помогать комитету травить крыс в канализации, то месить бетон для ремонта дорожки... Пришлось оббежать весь остров, а по основному заданию — ни малейшего прогресса!

— И теперь в этот ливень мы должны искать шесть пропавших уток госпожи У.

Голос Се Хуахуана звучал мягко, в нём не было раздражения товарища.

— А ты? Шуй Цюэ, у тебя есть какие-нибудь новости?

Золотистые волосы Аттикуса растрепались, челка слиплась от дождя. Он смерил парня колючим взглядом и злобно бросил:

— Какие у него могут быть новости? Наверняка вовсю заводит дружбу с местными школьниками.

Он намекал на тот случай, когда видел Гуань Ичжоу с Шуй Цюэ на спине, да и в последнее время в разговорах мальчишек из местной школы то и дело всплывало имя вдовца. От этих мыслей Аттикус прямо-таки закипал. Почему этот человек везде и на всех без разбору накладывает свои чары?

Так было и раньше. Тот ждал группу в игровом холле, чтобы пойти в подземелье. Этот парень внезапно подошёл и вцепился в его руку, жалуясь, что тот слишком долго продавал снаряжение. Проблема была в том, что Аттикус его вообще не знал. А потом он заявил, что устал ждать, и потребовал, чтобы его несли на спине.

Ошарашенный парень послушно присел, но в ту же секунду Се Цянь с потемневшим лицом оттащил юношу в сторону.

— Я тебя с кем-то перепутал?.. — услышал Аттикус вопрос уходящего паренька.

Се Цянь что-то ответил. Тон Шуй Цюэ мгновенно стал капризным:

— Чего ты на меня кричишь? Я ошибся только потому, что тебя слишком долго не было. Это ты виноват, что я попал в такую неловкую ситуацию.

Се Цяню осталось только оправдываться: «Да-да, ты прав, во всём виноват только я. Твой верный слуга опоздал».

Другие игроки в холле смотрели на Аттикуса как на идиота — он вмиг почувствовал себя клоуном, невольным участником их любовных игр. И встретившись в этом подземелье, этот человек посмел напрочь о нём забыть.

Шуй Цюэ не понимал, почему Аттикус так на него ополчился. Пусть его репутация и была не самой лучшей, но даже Чу Цзин-тин никогда не разговаривал с ним так грубо. Он решил просто проигнорировать обидчика.

— Я ходил к маяку на восточной горе, — сказал он Се Хуахуану.

Чу Цзин-тин внезапно заговорил:

— И ты вошёл внутрь?

Шуй Цюэ подтвердил, что был там вчера вечером, и добавил, что маяк наверняка и есть то самое символичное здание: за два дня они прочесали весь остров, и другие ориентиры можно исключить. Он чувствовал, что его логика безупречна.

Однако Чу Цзин-тин лишь зацепился за слова, и лицо его стало ещё мрачнее. Он ледяным тоном спросил:

— Ты ходил на маяк прошлой ночью?

Смотритель не пустил их группу, какие бы заманчивые условия они ни предлагали. И тут одинокий мужчина, почти тридцать лет не знавший женской ласки, посреди ночи открывает дверь этому нежному, прелестному созданию. Ежу понятно, что дело нечисто.

Чу Цзин-тин холодно усмехнулся:

— И что же он заставил тебя сделать?

— Да ничего особенного... — Вспомнив события прошлой ночи, Шуй Цюэ смутился и невольно начал теревить край дождевика. — Я принёс ему рыбу и вино, мы просто немного поболтали.

Если отбросить вторую часть их беседы, то всё было вполне прилично.

Ли Цзяньхэ, который обычно помалкивал, робко предложил:

— Может, подарки Шуй Цюэ больше пришлись по душе смотрителю? Какую рыбу и вино ты приносил? Мы тоже купим, и если Шуй Цюэ проведёт нас внутрь, первая стадия основного задания будет наполовину выполнена.

Согласно первому этапу, Шуй Цюэ должен был помочь им осмотреть остров. Аттикус и Чу Цзин-тин думали об одном и том же. Но мысли и слова золотоволосого юноши были куда более грубыми и грязными.

— Не нужны тут никакие рыба и вино, — чеканя каждое слово, произнёс Аттикус. — Тебе достаточно просто поманить его пальцем, и любой мужик голову потеряет и будет вылизывать тебя как пёс. Желательно в постели.

Шуй Цюэ замер, и его личико мгновенно побелело.

[А ну-ка повтори, что ты там нашему Малышу сказал?!]

[Всех сквернословов — к пожизненному одиночеству без права переписки. Я кибер-судья, я так решил!]

[Боже, наш Малыш сейчас заплачет?]

В непроглядном небе сверкнула молния. Гром раскатился над землёй, и в тот же миг на улице раздался звонкий хлопок — нельзя было разобрать, какой звук был громче. Ливень усилился.

Аттикус, шипя от боли, прижал руку к багровому следу от пощёчины на левой щеке. Он вскинул взгляд и спросил:

— Эй... ты что, плачешь?

Шуй Цюэ стоял, опустив голову и зарывшись подбородком в воротник дождевика. Никто не видел выражения его лица. Косые струи дождя залетали под зонт; его щёки были совсем мокрыми.

Он произнёс едва слышным шёпотом:

— Я... я пойду.

<http://bllate.org/book/15811/1436217>